

Лиска совсем измучилась от плача, но я все еще нежно качал ее на коленях и гладил по волосам, чтобы успокоить.

— Ты в порядке? — спросил я, целуя ее макушку.

— Мне никогда в жизни не было так страшно, — хрипло сказала она. На моей груди образовалось мокрое пятно от её плача.

— Никогда?

— Мне было очень страшно, когда отец продал меня, и они... обучали меня послушанию. Мне было страшно, когда хозяин впервые купил Лиску. Но сегодня... это было хуже, — сказала она, снова зарываясь лицом в мою грудь. Она крепче сжала меня своими ногами, все еще обхватывая мою талию.

— Почему? — мягко спросил я ее.

— Они все время говорили, какие ужасные вещи собираются сделать с Лиской. Это было достаточно плохо, но потом хозяин сражался с тем человеком с мечом, и я так испугалась за вас.

Наконец она подняла опухшее и покрасневшее от слез лицо и посмотрела мне в глаза, её уши было прижаты к бокам от страдания.

— Я так боялась, что хозяин умрет.

— Я бы ни за что не умер. Теперь все в порядке, — сказал я ей, осторожно почесывая основание ее хвоста.

— А потом хозяину пришлось драться с другим человеком, но тут раздался такой шум, что у меня заложило уши, и его голова раскололась, как гнилая дыня, и... я...

Она снова всхлипнула и зарылась лицом в мою грудь.

Моя бедная маленькая лисичка травмирована. Ей угрожали довольно жестоко, она боялась, что меня убьют у нее на глазах, а потом она видела, как кто-то умер внезапной, кровавой смертью. Неудивительно, что она чувствовала себя немного разбитой.

— Все в порядке. Все уже позади. Я бы не позволил, чтобы с моей Лиской что-то случилось, — сказал я ей, целуя в макушку. — Ты моя особенная девочка. Я никому не позволю обидеть мою Лиску.

Она вздрогнула, снова прижимаясь головой к моей груди.

— Вот что я тебе скажу: почему бы тебе не сделать остаток сегодняшнего дня днем ничегонеделания? Просто проведи остаток дня, отдыхая, пока не почувствуешь себя лучше. Тебе бы это понравилось?

— Я... я знаю, что слишком многого прошу у хозяина, но... не могли бы вы поддержать меня еще немного?

— Конечно — ответил я, нежно поглаживая ее волосы. — Я не возражаю.

— Вы такой добрый хозяин. Лиска вас не заслужала.

— Ш-ш-ш. — сказал я ей, продолжая нежно покачивать ее на коленях.

Раздался тихий стук в дверь.

— Хозяин? Могу я войти?

— Заходи, Ада.

Струна на двери подняла задвижку с шумным деревянным лязгом, и Ада на мгновение заглянула внутрь, затем вошла и закрыла за собой дверь. Она подошла к кровати, а затем поколебалась.

— Хозяин? Могу я сесть здесь?

Я кивнул, и она села рядом со мной. Через мгновение она протянула руку к хвосту Лиски, который был плотно обернут вокруг нее, и нежно погладила шерсть.

— Ты окей?

Я не мог понять, кого она спросила — меня или Лиску. Наверное, Лиску, так как она была явно расстроена больше, чем я. Она впервые употребила слово «Окей»; странно, что я заметил это, когда должен быть отвлечен от таких мелочей.

— У нас все хорошо. Лиска просто сильно испугалась раньше и до сих пор немного расстроена. Но сейчас все в порядке.

Ада нервно зачесала волосы назад, затем спросила:

— Может ли Ада спросить, что случилось?

Ах. Точно. Как рабыня, это может быть не ее дело; или, по крайней мере, она не должна приставать с вопросами к своему хозяину. Но она знала, что я не такой, как большинство рабовладельцев, поэтому она чувствовала себя в безопасности, спрашивая меня, пока она все делает правильно.

— Кто-то хотел избавиться от меня, поэтому вызвал меня на дуэль. Я выиграл. Потом мне пришлось драться с другим парнем, и в итоге я убил того.

— О, — сказала она, явно не зная, как ответить.

— Так, сядь, — сказал я Лиске. Она повиновалась, явно не желая ничего делать, кроме как оставаться прижатой ко мне. Я снял с нее ограничители и отстегнул поводок, бросив его на пол, затем расшнуровал ботинки и бросил их рядом с кроватью. Ада поспешила поставить мои сапоги на комод, затем взяла поводок и матерчатые ограничители и стояла, держа их в руках.

Я растянулся на кровати и погладил колени, а Лиска снова забралась на меня сверху, на этот раз обнимая меня как следует. Я обнял ее одной рукой, а другой погладил по затылку.

— Мне убрать их, хозяин?

Я кивнул Аде, и она начала выходить из комнаты, но потом остановилась.

— Думаю, обед скоро будет готов.

— Хорошо. Дай мне знать, когда это будет.

— Да, хозяин.

Бросив на нас последний взгляд через плечо, Ада вышла из комнаты, снова закрывая за собой дверь.

— Мне жаль, что ты так испугалась, — нежно сказал я Лиске, продолжая гладить ее по волосам. — Теперь все в порядке. Ты в безопасности. Я в безопасности. Все будет хорошо.

— Угу, — сказала она с содроганием. Кажется, она уже успокоилась. Вот хорошая девочка-лисичка. Есть милая лисичка.

Я взял ее на руки, поднял и повернул так, чтобы она сидела у меня на коленях, а затем начал чесать ей уши.

— Ты хорошая девочка. Ты моя особенная девочка. Я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось.

Другой рукой я поднял ее платье и начал тереть вверх и вниз ее голую щель. Знаете, то, что она не носит нижнего белья, действительно удобно. Она надевала его только во время менструации, а у Ады, очевидно, его никогда не было, так что я не видел необходимости вкладывать деньги в нижнее белье для обеих моих девочек. Легкость доступа — это хорошо.

Она повернулась, чтобы посмотреть на меня через плечо, уши опустились вниз и слегка покраснели.

— Хозяин?

— Хм?

— Не хотите ли... не хотите ли вы воспользоваться Лиской сейчас?

— Ты хочешь этого? — спросил я ее.

Она кивнула.

— Пожалуйста... Пожалуйста, будь груб с Лиской. Пожалуйста, сжимай Лиску под своим телом, пока пользуешься ею. Я... Я хочу почувствовать, какой большой и сильный хозяин.

Вау.

— Тебе это нравится?

Она снова кивнула, стесняясь признаться мне в этом. Но она как бы случайно выпустила кота из мешка.

Я положил указательный и средний пальцы примерно на то место, где должен быть ее клитор, и начал круговыми движениями тереть. Она сделала резкий вдох и прислонилась ко мне.

— Лиска любит чувствовать себя маленькой. Мне нравится, какой большой и сильный хозяин. Я знаю, что хозяин не обидит Лиску, поэтому... — Она сделала паузу, подыскивая слова, а затем продолжила: — Это позволяет Лиске чувствовать себя в безопасности, даже если хозяин груб с ней. Лиска чувствует силу хозяина, когда он использует ее тело для своего

удовольствия, но это... контролируется. Он не причинит Лиске вреда.

Это так и есть? Наверное, это имеет смысл?

Ее промежность определенно стала теплее и влажнее.

— Думаю, я могу оказать услугу, — сказал я ей.

В этот момент раздался еще один стук в дверь, затем дверь открылась, и Ада заглянула внутрь.

— Хозяин? Обед уже готов.

Я все еще энергично ласкал клитор Лиски. Моя маленькая лисичка сильно покраснела и спрятала лицо за руками, но Аду, похоже, не волновало то, что мы делали. В конце концов, у меня был секс с ними обеими в одной постели, и они спят вместе обнаженными, так какое ей дело до того, что я трахаю пальцами Лиску? Она моя девочка, я могу делать с ней все, что захочу. Черт, она лизала этот клитор.

— Хорошо. Мы сейчас спустимся, — ответил я. Ада кивнула и вышла из комнаты, закрывая за собой дверь.

— Почему бы нам не продолжить после обеда? — сказал я Лиске.

— Да, хозяин. — неохотно ответила она.

Я поцеловал ее в губы, затем помог ей снять чулки, чтобы она не проделала в них дырку, стоя на коленях на полу.

Лиска спустилась за мной вниз, к кухонному столу, и я сел на свое место. Она опустилась на колени рядом со мной, а Ада и Мацка подали обед.

Суп с клецками без мяса, только овощи, немного черного хлеба и остатки яблочного пирога на десерт. Пельмени довольно острые. Есть ли у них здесь паприка? Это специя Нового Света, но, конечно, они уже открыли Америку или ее эквивалент.

Мама-кошка сказала что-то на тарабарском языке, а Лиска перевела.

— Мацка сказала, что Мушук извиняется за то, что тронул ваш меч. Он знал, что рабам запрещено трогать оружие, но он подумал, что вы не захотите оставить его в повозке, и положил меч для вас у двери.

— Все в порядке, — сказал я. Мама-кошка выглядела обеспокоенной — неужели прикосновение к оружию настолько запрещено для рабов, что он может быть наказан только за то, что оказал мне услугу? Да, возможно.

После того, как я вроде бы смирился с этим, мама-кошка немного расслабилась, а затем продолжила:

— Она также сказала, что необходимо съездить в город за продуктами. Но она понимает, что если хозяин устал или зол и он может не захотеть сегодня снова ехать в город.

Я действительно не хотел.

— Не хотите ли вы поехать в город и сделать покупки самостоятельно? — спросил я.

Мама-кошка, услышав перевод, стала выглядеть удивленной, а у Лиски появилось нервное выражение лица.

— Хозяин... обычно не стоит отправлять раба на задание, пока не убедишься в его надежности. Если они убегут или попадут в беду, это будет... неудобно для хозяина. Ты владеешь Мацкой и Мушуксом совсем недолго, и если они пойдут вместе...

— Как вы думаете, они убегут? — спросил я, дуя на пельмень, чтобы охладить его.

— Нет... но такая возможность существует, — сказала она, все еще выглядя несчастной.

Я посмотрел на маму-кошку и пожал плечами.

— Я верю, что они не сбегут. Мушук заработал деньги, которые он может пустить на покупку их свободы; зачем же бросать это дело, убегая и попадая в беду?

Я положил на стол горсть серебряных тарлов, чтобы заплатить за продукты.

— Скажи ей, что они должны вернуться к ужину, но в остальном я доверяю им делать в городе все, что они захотят. У Мушукса есть два тарла, они могут потратить их, как захотят.

Лиска яростно дернула ушами, потом кивнула.

— Им понадобится письмо от вас, разрешающее им гулять самостоятельно без присмотра. Иначе у них будут неприятности.

— Это прекрасно. Напишите для меня, а я подпишу, — сказал я. Я здесь не могу прочитать ни одного слова ни на одном языке, поэтому доверил правильно написать письмо Лиске.

Лиска уже доказала, что она предана мне и готова заботиться о моих нуждах, рассказывая мне о вещах, о существовании которых я даже не подозревал. Я доверяю ей и в том, что она не подведет меня с письмом/разрешением, и в том, что она знает, как правильно его написать.

Мацка поклонилась, потом собрала деньги. Лиска написала разрешение, используя перо и чернильницу, которые она, очевидно, купила вместе с другими предметами домашнего обихода, которые я велел ей выбрать, а затем я подписал его. Пользоваться пером... неудобно. Черт, да и перьевая ручка неудобна. Может быть, мне стоит изобрести шариковую ручку, раз уж я взялся за это дело. Неужели это так сложно?

Взяв письмо и аккуратно держа его, чтобы чернила не размазались, Мацка снова поклонилась, взяла поднос со своим обедом и обедом Мушукса и отрывисто произнесла какую-то тарабарщину, прежде чем выйти за дверь.

— Она сказала спасибо, а также что Аде нужно не забыть помыть посуду после еды.

— Вы обе помоеете посуду, — сказал я, засовывая в рот кусок хлеба. Это нечестно — заставлять Аду делать всю работу в одиночку.

Обе девочки безропотно кивнули и продолжили запихивать еду в рот. Кажется, я начал понимать, почему мама-кошка дает им меньшие порции: дело не только в том, что обе девочки маленькие и поэтому не могут съесть столько, сколько большой парень вроде меня, но и в том, что они едят так, будто постоянно голодают. Наверное, потому что когда-то все так и было. Если бы она давала им большие порции, как у меня, они бы заглатывали все, что перед ними

ставят, и начинали бы пухнуть. Работа по дому и секс могут сжечь только ограниченное число калорий, в конце концов. Я не хочу, чтобы мои девочки толстели. Я хочу, чтобы они оставались такими же милыми и худенькими, как сейчас.

Может быть, я могу научить их базовой гимнастике, чтобы они были в форме? Это сделает их более гибкими. Хммм...

После того как мы доели яблочный пирог, девочки собрали тарелки и начали мыть их и кастрюлю, в которой варила Мацка.

Я смотрел в окно на Мацьу и Мушука, которые отправились в повозку, и как раз вовремя, чтобы услышать, как девочки повысили голос и начали суетиться.

— Девочки, — резко сказал я.

Это привлекло их внимание.

— Перегнитесь через стол.

Они быстро подчинились, хотя и с трудом.

— В чем проблема? — спросил я, действительно не желая иметь дело с этим дерьмом прямо сейчас.

Ада не хотела встретиться с моими глазами, но тихо сказала:

— Лиска заставляет меня убирать всю посуду, и я не думаю, что это справедливо, хозяин.

— Лиска?

— Я... я не могу дотянуться до шкафа, хозяин.

Ада повернулась, посмотрела на Лиску и ответила:

— Я тоже еле дотягиваюсь!

— Ну, по крайней мере, ты можешь делать это без прыжков!

— Девочки!

Они оба зажали рты и посмотрели вперед.

— Хотите, чтобы вас отшлепали?

Я получил «Нет, хозяин» в стерео.

— Тогда как вы собираетесь решить эту проблему?

Лиска закрутила уши назад, подергала хвостом и посмотрела на Аду.

Да ладно. Я не уверен, насколько Ада умна или не умна на самом деле, ведь ее буквально ничему не учили о том, как устроен мир, но я знал, что моя маленькая лисичка умна. Придумай что-нибудь.

— Может... я могу передать посуду Аде, а она поставит ее в шкаф?

Ада кивнула.

— Попробуй, — сказал я. По сути, это то же самое, что и раньше, но теперь Лиска будет передавать Аде посуду перед тем, как та ее уберет, так что по крайней мере будет создавать иллюзия, что Ада не делает все сама.

— Да, хозяин.

— Да, хозяин.

Они не отошли от стола. Я поднял одну бровь.

— Эм... можно нам встать? — спросила Лиска.

— Да.

Они сразу же ушли из-за стола и убрали посуду в рекордно короткие сроки.

— Видите, насколько быстрее все идет, когда вы работаете вместе? В следующий раз, вместо того чтобы спорить, попробуйте так.

— Да, хозяин.

Я откинулся в кресле и вздохнул, затем похлопал себя по коленям. Лиска тут же запрыгнула ко мне на колени, босые ноги свесились вниз, но не достали до пола, и я начал чесать ей уши. Ада опустилась на колени рядом со мной, и я положил другую руку ей на голову, нежно поглаживая по бокам ее лица.

— Ну, девочки... у нас впереди целый день, и я решил, что сегодня мы ничего не будем делать. Почему бы вам, девочки, не сбегать наверх и не раздеться? Я сейчас поднимусь.

— Да, хозяин!

— Да, хозяин!

Они восприняли мой оборот речи буквально и побежали вверх по лестнице, Ада каким-то образом умудрялась звучать как стадо слонов, а Лиска издала гораздо более тихий топот. Я сбегал в ванную и пописал, а затем долил воду в бачок на унитазе.

Смывной туалет — это здорово, так как нет вони и не нужно опорожнять ведро — ну, я бы не опорожнял его сам, но неважно — однако бачок для воды нужно наполнять каждый раз, когда смываешь. Это немного раздражает, но все же это гораздо удобнее, чем альтернатива.

Интересно, куда все смылось? Здесь нет канализации, и я не уверен, что септик подойдет... Надеюсь, все не смывается прямо в ручей, который, по словам женщины, продавшей нам дом, был на участке.

Смутно тревожась из-за этой маленькой тайны, я поднялся наверх и обнаружил, что Ада уже раздета и терпеливо ждет, пока Лиска снимет блузку и повесит её в шкаф рядом с платьем.

— О, это напомнило мне. Нам нужно, чтобы ты примерила свое новое платье, Ада.

— Это внизу, хозяин. Хотите, чтобы я...

— Нет, все в порядке, — перебил я. — Мы займемся этим позже. А пока вам, девочки, нужно немного потренироваться.

— Упражнения? — спросила Лиска, наклонив голову на одну сторону.

— Да, — ответил я. — Пойдем в соседнюю комнату.

Правильно, девочки! Время голых упражнений!

Мы прошли мимо шкафа, в котором должна была спать любимая рабыня, и попали в то, что, как я полагаю, являлось спальней для гостей. В ней не было мебели, так что она идеально подойдет для наших нужд.

— Так, Ада, встань здесь, а Лиска, встань здесь, — сказал я им, расставляя их в разные стороны. Затем я встал лицом к ним.

— Сначала мы будем растягиваться и сгибаться.

Лиска очаровательно наклонила голову, Ада же выглядела несколько непонимающей.

— Делайте то, что делаю я.

Я начал с нескольких изометрических упражнений и растяжек, а девочки неуклюже подражали мне. Затем я наклонился, чтобы коснуться пальцев ног, и медленно поднялся обратно, Ада и Лиска внимательно наблюдали за мной, чтобы убедиться, что они правильно меня копируют.

— Сейчас мы будем делать прыжки. Начните вот так, потом вот так, — демонстрировал я. Обе девочки начали делать утомительно неуклюжие прыжки: грудь Ады гипнотически подпрыгивала, а у Лиски хвост подпрыгивал больше, чем её упругая маленькая грудь.

Я остановил их после того, как они начали проявлять признаки усталости.

— Хорошо. Ада, сядь на пол вот так.

Она повиновалась, и я опустился перед ней на колени, держа ее босые ноги в своих руках.

— Скрести руки над грудью. Медленно ляг, теперь сядь. Хорошо. Вот как нужно качать пресс. Сделай еще 9 раз.

Десять скручиваний — это хорошо для новичка. И я не хочу, чтобы девушки были мускулистыми или что-то в этом роде, просто стройными и женственными.

Ада завершила последнее скручивание, и я погладил ее по голове, хваля:

— Умница! Теперь очередь Лиски.

Лиска легла на пол, и я держал ее изящные ножки на месте, пока она делала скручивания со скрещенными руками на груди.

— Хорошая работа, — похвалил я ее, поглаживая по голове. — Теперь мы сделаем десять отжиманий.

Я показал им, как отжиматься по-девчачьи. Они обе испытывали трудности. Это нормально,

они никогда раньше не отжимались, и цель не в том, чтобы увеличить силу их верхней части тела, а в том, чтобы просто поддерживать их в форме.

— Хорошая работа, девочки. Теперь мы будем делать ножницы.

— Что за ножницы?

О, точно. Неважно. Я показал, а они лежали бок о бок и делали ножницы.

Ада повернула голову к Лиске и прошептала:

— Зачем мы это делаем?

— Я думаю, хозяин не хочет, чтобы мы толстели, — прошептала в ответ Лиска.

— О.

Они обе захихикали и продолжили делать ножницы, пока я не дал им сигнал остановиться.

— А теперь посмотрим, кто дольше всех продержится в стойке на голове. Лиска, начнем с тебя.

Моя маленькая лисичка наклонилась на четвереньки, руки у стены, я схватил ее за лодыжки и помог ей встать в стойку на руках, пятками к стене.

— Хорошо, теперь я отпускаю.

Ее руки задрожали, но ей удалось удержаться на ногах.

— Теперь Ада, — сказал я, хватая ее за лодыжки и помогая ей подняться.

— Сейчас я отпущу.

Я отступил назад и залюбовался обеими моими девочками, перевернутыми вверх ногами, у Лиски хвост мило болтался за спиной. Они обе очень шатались. Ада наконец потеряла равновесие и ударилась головой об пол, морщась от боли и смеясь. Лиска сдалась и снова опустилась на четвереньки, затем села и осмотрела голову Ады, присоединяясь к ее смеху.

— Ты в порядке? — спросил я. Ада кивнула. Я поправил ей волосы. Она — хорошая спортсменка.

— Хорошая работа, девочки. Теперь прыгайте в кровать и давайте сделаем другое упражнение, — сказал я с ухмылкой.

— Наперегонки! — сказала Лиска, уже на полпути к двери, за ней развевался хвост, как оранжевое знамя. Ада возмущенно завизжала и побежала следом. Я следовал за ними в более спокойном темпе.

Я вошел в спальню, а они обе уже лежали на кровати, бок о бок. Я разделся и забрался на кровать, а Лиска с румянцем раздвинула мне ноги.

Я покачал головой, а она выглядела смущенной.

— Встань на руки и колени. Направь свой зад на меня, — сказал я ей.

Она перекатилась на четвереньки и посмотрела на меня через плечо, все еще смущенная.

Каждый раз, когда мы занимались сексом, это всегда было в миссионерской позе. У нее такие милые маленькие лисьи ушки, и такой милый лисий хвост, что самое время познакомить мою драгоценную маленькую лисичку с собачьим стилем.

Я расположился позади нее, приподняв ее хвост, чтобы он лежал вдоль ее спины. Я провел кончиком члена вверх и вниз по ее мягкой, теплой щели, чтобы найти сладкую точку, а затем ввел его внутрь. Я не мог войти в нее сразу, она была слишком тугой для этого — требовалось несколько толчков, чтобы войти до конца.

Затем я взял ее бедра в каждую руку и начал толчок.

— О-о-о, — сказала она. Это новая позиция, и я бил по другим точкам. Вскоре она стала тяжело дышать и пригнула голову, когда я вошел в нее сзади.

Ада сидела рядом с нами, подтянув колени к груди, и с любопытством наблюдала. Через некоторое время она переключилась, чтобы посмотреть, как я долблю Лиску сзади, затем стала немного смелее и легла на кровать, просовывая голову под Лиску, чтобы поближе рассмотреть, как мой член входит и выходит из ее чистой щелки. Она так и стояла, завороченно глядя на меня, пока Лиска пыхтела и стонала.

— Тут только мы, Лиска, — сказал я ей, тяжело дыша. — Не прячь свой голос.

Она сразу же увеличила громкость и высоту тона.

— Ах, ах, ах, ах-ха ха ха ха ХА ХА ХА ХА! Нннг! Ах, хааа!

О черт, одного ее звука было достаточно, чтобы подтолкнуть меня к краю пропасти. Лиска зарылась лицом в подушку, тяжело пыхтя, и я почувствовал, как ее киска сжалась на моем члене, когда она приблизилась к оргазму.

Я вошел в нее, задыхаясь, когда изверг свой заряд глубоко внутри нее, а Лиска вздрогнула и застонала, когда тоже достигла кульминации. Ада выкарабкалась из-под нас и снова села, наблюдая, как мы вдвоем пытаемся отдышаться.

Я вытащил и потащил Лиску на себя, перекатываясь на спину. Я жестом подозвал Аду, и она подняла мой член своим ртом, затем похлопал Лиску по бедру, побуждая ее раздвинуть ноги, чтобы Ада могла слизать всю вытекающую из Лиски сперму.

— Хорошая девочка, — сказал я Аде, поглаживая ее по волосам, когда она приступила к работе. Она все еще морщилась, пока делала это, но на этот раз не было никаких колебаний. Я правильно ее обучил.

Лиска все еще краснела, пока Ада вылизала ее промежность, но не протестовала и не сопротивлялась. Я неловко наклонился, чтобы поцеловать ее макушку, щекая ее уши, заставляя их дергаться.

— Как тебе понравилась эта позиция?

— Я не... Я не знала, что ты можешь делать это вот так, — сказала она, все еще задыхаясь.

— О, ты можешь делать это по-разному, — усмехаюсь я. Есть не одна позиция. Наверное,

потому что мы занимались этим только по-миссионерски, она думала, что это единственный способ, которым это можно сделать. Ну, если честно, неделю назад она была девственницей, и не то чтобы у них здесь был интернет.

— Тебе больше понравилось так или иначе? — спросил я ее.

Лиска на мгновение задумалась, потом пожала плечами.

— Мне в любом случае приятно, но... — Ада села и вытерла рот тыльной стороной ладони, сигнализируя, что она закончила. Лиска забралась ко мне на колени и прошептала на ухо: — Мне нравится, когда хозяин сжимает Лиску, а Лиска не может двигаться.

Поэтому она предпочитает, чтобы я был сверху. Попалась.

Я похлопал по кровати рядом с собой, Ада придвинулась ко мне, и я сжал обеих моих девочек в объятиях. Дома секс втроем всегда был недостижимой мечтой, но здесь я могу делать это каждый день, если захочу.

Я легонько провел кончиками пальцев по грудям Ады, по ее животу, к ее щели и обратно.

— Значит... несмотря на то, что ты человек, я не могу сделать тебя беременной?

— Верно, хозяин, — подтвердила она.

— Почему? — спросил я. Я слышал упоминание о каком-то лекарстве, которое предотвращает беременность, но оно похоже на обычные противозачаточные таблетки? Как часто его нужно принимать?

— Как только меня выбрали в секс-рабыни, они дали мне алхимические травы, чтобы у меня не было месячных и я не могла родить ребенка.

— Как это работает?

Ада неловко сдвинулась, перекладывая руки на живот ниже пупка.

— Это особая смесь трав, только алхимики знают, какие именно. Ты принимаешь его в больших дозах в течение нескольких дней, пока тебе не станет совсем плохо и тебя не начнет тошнить. Очень сильно. Потом у тебя начинаются сильные спазмы и кровотечение, как во время месячных, только сильнее.

Она бросила на меня извиняющийся взгляд.

— У Ады месячные шли только один раз до приема алхимических трав, поэтому мне не с чем сравнивать. Но это было определенно хуже. Было ощущение, что я умру. Некоторые девушки действительно умирали: у них поднималась температура, или кровотечение не останавливалось, и они становились слишком слабыми. Но большинство из нас выжили, а когда все закончилось, наши матки стали бесплодными. Ни у кого из нас больше никогда не будет месячных, поэтому мы всегда будем доступны для наших хозяев, и нет никаких опасений, что наши хозяева оплодотворят нас.

Это... звучит ужасно.

— Сколько девушек умерло от этого?

— Четыре или пять,

— Скольким они дали травы? — спросил я.

Ада пожала плечами с таким видом, будто чувствовала себя глупо.

— Ада не знает таких больших чисел, хозяин.

О. Точно. Зачем секс-рабыне учить даже элементарную математику? Тем не менее, мой любопытный ум хочет знать.

— Насколько большие числа ты знаешь?

Она неловко сдвинулась, все еще выглядя так, как будто чувствовала себя глупо, а затем начала считать на пальцах. Затем она пошевелила пальцами ног и тоже посчитала.

Она умеет считать только до двадцати?

— Ты знаешь, что будет после этого?

Она замедлилась, но успела дойти до двадцати девяти, прежде чем остановилась.

— А что будет после этого? — спросил я.

Она беспомощно пожала плечами, на ее лице смущенное выражение. Да, теперь она чувствует себя глупо.

— Тридцать.

— Тридцать? — сказала она.

— Угу. Продолжай считать.

Она не знала, как называются десятки, сорок, пятьдесят и так далее, но когда я ей их объяснял, она прекрасно продолжала считать. Лиска похвалила ее за то, как хорошо она умеет считать, заставив Аду застенчиво улыбнуться, и в конце концов она дошла до ста.

— Хорошая работа, — сказал я ей, обнимая ее. Она улыбнулась мне.

— Я никогда раньше не считала так далеко!

— Ну, раньше тебе это не требовалось, так что это понятно, — сказал я ей, пытаясь вселить в нее больше уверенности.

— Теперь, когда ты умеешь считать до ста, как ты думаешь, скольким девушкам они дали травы?

— Сто, — сразу же ответила она.

Я не уверен, имеет ли она это в виду буквально, или это просто самое большое число, которое она может сейчас придумать. Возможно, и то, и другое. Но если предположить, что в процессе обучения было около сотни секс-рабынь — а я предполагаю, что обучение состояло в основном из уроков послушания, потому что она не слишком много знала о сексе, да и вообще о чем бы то ни было — и четыре или пять умерли от этих алхимических трав, то это примерно 5%

потерь.

— У них всегда несколько девушек умирают от приема трав? — спросил я.

— Я не знаю. Думаю, да? Никто не выглядел удивленным, когда они это сделали. Я слышала, как один из кураторов сказал, что в этот раз их было не так много.

Отлично. Значит, они ожидали, что некоторые из них умрут в результате, и, по-видимому, нередко умирает больше. Тогда мы могли бы рассчитывать на уровень потерь в 10%, если 5% — это не «слишком много».

Это может быть частью того, почему секс-рабыни так дороги. Если только алхимики знают запатентованную смесь из одиннадцати трав и специй, которая делает девушку невозможной для оплодотворения, они могут брать за нее любую цену. Если учесть, что в секс-рабыни отбираются только самые красивые девушки, что уже повышает цену, а также тот факт, что торговцам рабами нужно будет возместить свои убытки из-за девушек, которые умрут, приняв травы, то становится понятным, почему Ада будет стоить в четырнадцать или пятнадцать раз дороже обычной домашней рабыни.

Если в Древнем Риме привлекательная девушка стоила в десять раз больше, чем мужчина, добавьте сюда стоимость, которую алхимики взимают за свое «лекарство», и необходимость компенсировать потерю нескольких девушек каждый раз, и увеличение цены еще в два раза не исключено.

— Что они делают с девушками, которые умирают? — спросил я.

Ада пожала плечами, выглядя неловко.

— Они забирают их.

Возможно, их бросят в братскую могилу неподалеку. Исторически это было обычной чертой средневековых невольничьих рынков. Слово раб происходит от слова славянин, восточноевропейского народа, которого чаще всего обращали в рабство на протяжении всей античности и средневековья. Фактически, нордические и славянские европейцы были порабощены больше, чем любая другая группа людей в истории. Как только Мухаммед и его последователи начали блицкриг через Аравийский полуостров, а затем распространились по всему остальному Ближнему Востоку и Северной Африке, обращая в свою веру мечом и проводя этнические чистки неаравов, которые доминировали в этих регионах (именно поэтому современные египтяне являются арабами и говорят по-арабски, тогда как до распространения ислама в 8 веке нашей эры они были этнически более близки к древним грекам и говорили в основном на греческом или латыни), полностью доминируя над тем, что когда-то было этнически и религиозно разнообразным регионом мира. До распространения ислама евнухи в древности были довольно редкими — в Новом Завете упоминается один евнух из Эфиопии. Евнухи существовали в основном по двум причинам: во-первых, чтобы охранять гарем своего хозяина, не позволяя ему заниматься сексом с наложницами за его спиной, и, во-вторых, чтобы унижить побежденного врага и прекратить его род, чтобы у него не было потомков, которые могли бы вернуться и угрожать вам. Греки, римляне и другие европейцы не очень жаловали гаремы как таковые, и, как правило, они шли на прагматичный шаг — просто убивали побежденных врагов, а не держали их рядом, поэтому евнухи были довольно редким явлением в Европе. В Африке, на Ближнем Востоке и в Китае, где богатые и влиятельные люди имели огромные гаремы с десятками, а то и сотнями наложниц, евнухи были гораздо более распространены.

Однако в исламском мире евнухи пользовались невероятно высоким спросом. Сначала просто для охраны гаремов, а затем как символы статуса. Думаю, примерно так же, как здесь владение секс-рабыней — это способ продемонстрировать свое богатство и влияние. Евнухи пользовались огромным спросом в мусульманском мире, до такой степени, что от 75 до 90% европейцев, захваченных и проданных в рабство, превращались в евнухов и продавались мусульманам.

Простая кастрация заключается в отрезании яичек — это делает невозможным для мужчины размножение, хотя и не исключает возможности заниматься сексом (хотя это трудно), снижает агрессивность и имеет ряд других физиологических и психологических эффектов. Но мусульмане хотели, чтобы их евнухи были более... тщательно кастрированы. Обычный метод заключался в том, чтобы отрезать яички и пенис одним большим разрезом, засыпать рану горячим песком, нагретым на огне, и оставить мужчину связанным и обездвиженным, пока рана не заживет. Анестезии тогда еще не существовало. Не было и антибиотиков.

Мусульманское религиозное право создавало высокий спрос на евнухов, но запрещало им самим кастрировать рабов. Христианское право, заполнившее пустоту после распада Западной Римской империи, также запрещало кастрировать рабов. Поэтому евреи, которые уже были сильно вовлечены в международную работорговлю благодаря своим связям с финансовым миром и на которых не распространялись религиозные законы ни христиан, ни мусульман, вмешались, чтобы заполнить пустоту. Евреи стали основными посредниками, продающими рабов, захваченных в Европе, мусульманам на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Анатолии (современная Турция. Турки — центральноазиатский народ, изначально буддистский, затем завоеванный арабами и призванный в качестве ударных войск для вторжения в Восточную Римскую империю, более известную сегодня как Византийская империя. Как только они завоевали последние остатки Римской империи, они забрали ее себе, покорили своих арабских завоевателей и образовали Османскую империю, которая была доминирующей силой в мусульманском мире на протяжении веков, пока мировые войны не привели к ее краху как крупной державы). Евреи покупали рабов, захваченных по всей Европе, но главным образом в языческих регионах на крайнем севере и на востоке России, где христианские законы не защищали их, массово кастрировали их и продавали мусульманским купцам, направлявшимся в Турцию или на Барбарийское побережье. Около трети всех кастрированных таким образом мужчин и мальчиков умирали от инфекции или потери крови. Один из самых простых способов для археологов определить еврейский квартал торгового города, и в частности невольничий рынок, — это массовые захоронения всех мужчин, умерших после кастрации.

В результате кастрации большинства своих рабов-мужчин (что означало, что они не плодили новых рабов) и смерти трети из них после того, как им отрезали члены и яйца в антисанитарных условиях, спрос мусульман на захват новых рабов продолжал непрерывно расти, пока различные европейские державы не развили технологию и военную тактику до такой степени, что коллективно сказали мусульманам, чтобы они отвалили. Самой первой зарубежной акцией американских военных была отправка кораблей к Барбарийскому побережью, современной Ливии, чтобы обстрелять их из пушек и потребовать прекратить пиратские набеги на американские корабли и порабощение американцев. Вот почему в гимне морской пехоты упоминаются «берега Триполи». Мусульмане перешли на использование преимущественно африканских рабов, как только у европейцев появилось достаточно огневой мощи для ответного удара, но в Турции до 1920-х годов все еще были белые рабы. Сегодня в мусульманской Африке больше черных рабов, чем когда-либо существовало за всю историю Америки, а Саудовская Аравия все еще практикует рабство, включая то же использование евнухов. Израиль — мировой центр торговли людьми, специализирующийся в основном на женщинах и детях из Восточной Европы. Так что на самом деле единственное, что изменилось

за столетия, — это то, что белые отменили рабство, а остальной мир сделал вид, что подыграла им, чтобы не быть захваченным за нарушение прав человека.

Значит, в этом мире должно действовать нечто подобное, только вместо мужчин евнухами становятся женщины. Спрос, похоже, ниже, поскольку это касается только высокоценных секс-рабынь, и если уровень смертности составляет 10% или ниже, это лучше, чем 33% или выше. Но это все равно означает, что множество невинных девушек умирают, что звучит как очень несчастная смерть, только для того, чтобы удовлетворить спрос на секс-рабынь, которые не могут забеременеть.

Знаете, возможно, мне это выгодно, но, очевидно, институт рабства является действительно варварской практикой. Конечно, его практиковали все культуры мира на протяжении почти всей истории человечества, начиная с каменного века, и прекратили только тогда, когда аномальная западная цивилизация решила, что это неправильно, и навязала это мнение под дулом пистолета. Но все равно, это варварская практика. В которой я принял участие.

Я прижал к себе обеих моих девочек, наслаждаясь их прекрасными, обнаженными телами. Я бы их ни за что не отдал. Особенно Лиску.

Прекрасно. Если это сделает меня лицемером, пусть будет так. Я могу жить с чувством вины, живя хорошей жизнью и владея людьми как собственностью. Сексуальная собственность. Очень сексуальная собственность, думал я, поглаживая живот Ады кончиками пальцев.

— Короче говоря, я не могу сделать тебя беременной, и у тебя никогда не будет месячных. Верно?

Она кивнула.

— Ну тогда...

Я взял ее за лодыжки и поднял ее ноги вверх, разводя их в стороны. Ада нервно улыбнулась — в конце концов, это всего лишь ее второй раз.

Я проник в нее легче, чем в Лиску. Ада все еще приятная и плотная, но Лиска просто... гав. Я обхватил Аду руками, она обхватила меня своими, а потом, после некоторого колебания, стала подражать тому, что Лиска делала раз или два, и тоже обхватила меня ногами.

— Молодчинка, — сказал я ей.

Это мое второе дыхание, и Ада еще не привыкла к сексу и, вероятно, не будет наслаждаться грубым сексом, как Лиска, поэтому я сделал все медленно и нежно. Лиска лежала на боку рядом с нами и наблюдала с улыбкой.

Ада начала тяжело дышать, явно начиная заводиться.

— Как дела? — спросил я. — Лучше, чем в первый раз?

Она кивнула.

— Немного неудобно, но в основном просто приятно, хозяин.

Я поцеловал ее в лоб и ответил:

— Я рад. Мне нравится, когда мои девочки получают удовольствие.

Я увеличил темп, и Ада стала дышать еще тяжелее и стонать. Да, она определенно наслаждается этим.

Лиска встала на колени рядом с нами и склонилась надо мной, массируя спину и плечи. Ооо, привет! Секс и массаж? Знаешь что, теперь я полностью за рабство. К черту чувство вины, это потрясающе.

Хм. Мне пришла в голову одна мысль.

— Ада? Можешь попробовать сжать свои... ножны?

Она раздумала над этим мгновение, затем явно сделала сознательное усилие, чтобы сделать это. Я почувствовал, как она на секунду напряглась.

— Как это?

— Да. Посмотрим, сможешь ли ты продолжать в том же духе.

Это требовало усилий, но она способна сжимать меня снова и снова, всего на секунду или две каждый раз. Очевидно, она никогда раньше не тренировала эти мышцы.

Ну, она еще потренируется.

— Хорошая девочка, — сказал я ей, задыхаясь. Лиска разминала мышцы на моей спине, избегая рук и ног Ады, обхвативших меня. Интересно, где она научилась делать такой массаж? У нее неплохо получается.

У Ады появилось странное выражение лица, и она начала дышать быстрее. Я увеличил темп, она сжала зубы, закрыла глаза и... вот так. Это толкнуло ее за грань. Она внезапно сжала мой член и вздрогнула, затем открыла глаза и рот с задыханием, как будто видит звезды.

Этого достаточно, чтобы и я кончил. После еще нескольких ударов я зарылся в нее так глубоко, как только мог, и наполнил ее бесплодное лоно своим семенем.

Тяжело дыша друг другу в лицо, мы пытались отдышаться. Лиска перестала массировать мне спину и откинулась на пятки, наблюдая за нами. Наконец я вырвался и лег рядом с Адой.

— Хозяин?

Я кивнул. Лиска взяла мой член в рот и высосала дочиста, потом, покраснев лицом, перешла к вылизыванию Ады.

— Вот хорошая девочка, — сказал я ей, протягивая руку, чтобы погладить ее волосы. Она действительно хорошая девочка. Самая лучшая девочка. Теперь они обе у меня хорошо обучены.

Вскоре Лиска сидела, вытирая рот кончиками пальцев. Я похлопал по кровати рядом с собой, и она забралась на меня, прижимаясь к моему боку, а я притянул Аду ближе к себе с другой стороны.

Аааааа. Вот это жизнь. Мне нравятся мои девочки. Было бы здорово остаться такими навсегда.

— Хозяин?

— Да, Ада?

— Эм... не могли бы вы прочесть нам продолжение этой истории?

Лиска кивнула, уши приподнялись, хвост слегка завилял.

— Конечно. Передай сюда.

Мои девочки прижались ко мне, внимательно слушая, как я продолжил читать им о приключениях Бильбо Бэггинса. Мы дочитали еще одну главу, когда услышали, что внизу открылась дверь и кто-то засуетился. Я подтолкнул Аду и сказал:

— Иди посмотри, не нужна ли Мацке помощь.

Она кивнула и спрыгнула с кровати, даже не потрудившись одеться перед тем, как побежать вниз по лестнице. Дверь она тоже оставила открытой. Лиска встала и закрыла ее, а когда я начал одеваться, она подошла к шкафу и тоже начала заниматься тем же.

— Чем бы вы хотели заняться этим вечером, господин?

— Ну, если только Мацке не нужно, чтобы вы, девочки, помогли с ужином, я планировал прочитать вам еще немного той истории. Может быть, дать вам послушать музыку, так как вы обе сегодня были хорошими девочками. Кроме этого, у меня нет никаких планов.

Она кивнула, принесла мои ботинки и помогла мне надеть их и зашнуровать.

— Было бы неплохо, спасибо, хозяин.

Она встала и чмокнула меня в щеку; это первый раз, когда она поцеловала меня по собственной инициативе.

— Вы такой добрый хозяин. Нам очень повезло, что нас купили вы, а не кто-то другой.

Я ласково погладил ее по голове, затем раскрыл руки, приглашая ее обняться. Она согласилась и обняла меня так крепко, как только могла, и я сжал ее в крепком медвежьем объятии.

— Я рад, что купил и тебя. Особенно тебя, — сказал я, целуя ее макушку, а затем нежно покусывая черный кончик ее уха. — Ты моя особенная девочка.

Она прижалась ко мне, с улыбкой терясь щекой о мою грудь.

— Мне нравится быть вашей особенной девочкой. Мне нравится быть вашей маленькой Лиской.

Я снова крепко сжал ее, а потом сказал:

— Почему бы нам не спуститься вниз?

— Да, хозяин.